

Владимир Петрович, от так называемой Белокаменной Москвы почти не осталось и следа. Сложившийся за прошедшие века московский облик - тоже понятие достаточно условное. В то же время в истории Москвы отмечаются и сохраняются разные архитектурные эпохи: барокко, классицизм, модерн, конструктивизм и т.д. Какой, на ваш взгляд, стиль определяет сегодня лицо Москвы? Или мы переживаем, как часто приходится слышать, пору архитектурной эклектики?

- Сейчас мы строим то, что получается. К строительному буму, который переживает Москва с 90-х годов, ни архитектурный цех, ни техническая его оснащенность готовы не были. Извините за образ, но с архитекторов словно сняли намордник, и они покусили все, что возможно. Те, кто давно здесь не был, приехав, отмечают две вещи: «Как здорово вы шагнули в сторону количества, яркости, современности!» и «Ну зачем же так, во все стороны?» Объясняется это просто - в течение двух поколений архитекторы были связаны по рукам, не могли самостоятельно ничего делать, а потом им вдруг разрешили все, но уровень мастерства при этом остался прежним. Опыт набирается методом проб и ошибок, причем и тех, которые, увы, остаются в капитальных материалах. Избегать этого невозможно, равно как и ошибок, сделанных в социальной сфере, в политике... Но постепенно начинает формироваться понятие о хорошем и плохом архитектурном вкусе, о том, что может иметь международное признание, что не стыдно показать за рубежом и даже конкурентоспособно. А назвать каким-то одним словом существующий архитектурный стиль я бы не рискнул. Его называют и лужковским, и арочно-башенным, хотя на самом деле таких строений делается все меньше. Меньше стало ляпов. Сито сегодня строже, обзорность в прессе поставлена лучше, существует критика, многие издания пишут о новых проектах, то есть появляется понятие о том, что удачно, а что никуда не годится, и где, скажем, коммерческая архитектура, с которой нельзя брать пример.

Но у обывателя складывается впечатление, что прежде облик Москвы формировался более или менее системно: существовали комиссии, проводились совещания, составлялись генеральные планы... Кто и как сегодня принимает решения о застройке (речь идет преимущественно об исторически сложившихся районах столицы), кто оценивает качественный уровень архитектурного решения? Или все решает кошелек инвестора?

- Идеологического прессинга сейчас нет, все определяется финансированием и индивидуальным мастерством творца. Если его недостаточно - поправят, если оно есть - все равно автор должен проявить упорство, чтобы свое решение провести в жизнь. Потому что сопротивление новому всегда существует. Вы же не пустите в дом постороннего? Точно так же никто не хочет пускать в город новое строение: малоизвестных авторов - потому что они неизвестны, а опытных, которые выполнили хорошие проекты, - по принципу: «А не зажрался ли?»

Решения о качестве проекта принимаются на уровне главного архитектора или градостроительного совета. Существует экспертиза... Все это, проще говоря, нужно, чтобы оценить уместность данной вещи в данном месте. Хотя и подобное сито дает сбои: иногда проскакивают коррумпированные проекты. Но так было всегда.

В принципе, градостроительный совет не должен давить на автора в творческом плане. Но когда речь идет о художественных решениях, субъективность неизбежна, и часто все зависит от того, какие люди пришли на совет в конкретный день. Порой погода диаметрально меняется в зависимости от состава совета.

Что же касается реализации одиозных проектов, скажем, строительства огромных гостиниц в центре столицы - московское правительство, прислушиваясь к реакции общественности, старается быть осторожным.

Когда в начале тридцатых создавался первый советский градостроительный план Москвы, говорят, обратились к Ле Корбюзье с предложением принять в нем участие. Известный зодчий ответил: чтобы сделать Москву современным европейским городом, ее нужно сломать и выстроить заново, иначе она в скором времени, как и все радиально-кольцевые городские структуры, задохнется в транспортных пробках. Существуют ли на самом деле спо-

Владимир ЮДИНЦЕВ: ГОРОД УМИРАЕТ, КОГДА ИЗ НЕГО ВЫБИВАЮТ ЖИЛЬЕ

Владимир Петрович Юдинцев родился в 1942 году. После окончания Московского архитектурного института (1966 г.) занимался теорией города и поисковыми проектами в Институте теории, истории и Генерального плана Москвы. С 1990-го создает реальные архитектурные проекты в Москве. Ныне руководит архитектурной мастерской, автор застройки комплексного квартала в районе Сретенки, ряда домов на Цветном бульваре. За проект жилого дома в Отрадном отмечен Государственной премией (2003 г.).

собы сохранить историческую структуру города и одновременно дать ему возможность развиваться? Сколько надо построить в Москве транспортных колец, чтобы решить транспортные проблемы?

- Преобладающее сегодня строительство кольцевых магистралей объясняется просто тем, что их всегда было меньше, чем радиальных, и в городе доминировало центростремительное движение. Кольцевые магистрали как бы идут вдогонку за лучами-перспективами, они всегда запаздывают. Я считаю, дело не только в новых магистралях. Необходимо децентрализовать ударную городскую активность, создающую большие потоки притяжения, а не только стремиться решить проблему транспортными артериями, хотя и это требуется делать. Сегодня, скажем, водители, приезжающие к комплексу на Манежной площади, вынуждены оставлять машины вплоть до Бульварного кольца. А на самом деле подобные центры должны появиться, например, на пересечениях третьего кольца с основными магистралями. Градостроителям эти точки давно известны, есть и зарубежные примеры создания «противовесов» центру города - Сити, тем более что московское Сити находится в функциональном мешке, плохо дренированном транспортом. Нужно создать целый ряд таких «противовесов», но эта идея пока недостаточно осознана правительством Москвы и совершенно не разделяется инвесторами, которые хотят вкладывать средства только в центр.

Сейчас из центра всячески выбивают жилье, а это смерть города: живые клетки заменяются мертвыми. Жилье в центре хоть достаточно аморфное, но

очень хороший наполнитель, который не создает ударных нагрузок, больших притяжений, а, наоборот, размывает их. Ударные нагрузки могут возникнуть там, где хорошее транспортное обслуживание, а это как раз пространство между третьим и четвертым транспортными кольцами в местах их пересечений с радиусами. Таким образом, исторический центр Москвы можно реально сохранить, если выполнить условия децентрализации.

В советское время все архитектурные силы столицы оказались сосредоточены в организации, называемой Моспроект. Что сегодня представляет собой этот архитектурный гигант?

- Он и сейчас существует. В бывших союзных республиках, отдельных российских городах вопросы с современным использованием похожих организаций решались по-разному. Есть опыт, когда такие гиганты переходят в ранг хорошо оснащенной инженерно-технической базы при достаточно подвижных и свободных архитектурных мастерских. В Москве этого не произошло, сохранились комплексные образования, которые позволяют работать большим проектным коллективам. В противном случае всем специалистам пришлось бы заботиться о том, где продолжать работать. Сегодня здесь собирается много знающих, умных людей пенсионного возраста. Им так удобно, и если начнутся какие-то сокращения, то выплеснут и то знание, которого долго будет не хватать: знания в нашей профессии накапливаются тяжело и трудно. Поэтому мы буквально молимся, чтобы эти люди не разбежались, особенно технический персонал, а работали как можно дольше в системе Моспроекта.

Когда-то москвичу попасть в Дом архитекторов казалось пределом мечтаний. А что сегодня представляет собой эта Мекка московских архитекторов? Сохранился ли творческий союз как единое целое? Объединяются ли архитекторы сейчас в профессиональные гильдии или другие образования?

- Союз архитекторов сильно сузил свою деятельность, превратившись фактически в клуб. При нем существует комиссия по этике, которая разбирает вопросы авторских конфликтов, что весьма важно. Но решения носят скорее рекомендательный характер. Я не слышал, чтобы кого-нибудь из нарушителей авторского права лишили лицензии или хотя бы осудили в печати.

Есть неформальные объединения, которые никакого отношения к союзу не имеют, сплачивая отдельные творческие мастерские, например, МАО (Московское архитектурное общество). Оно объединяет несколько десятков мастерских. Вообще, архитектурная групповщина в состоянии постоянной мутации: держатся вместе, например, при перераспределении заказов, отпавшая одна друг другу. То есть мастерские образуют свой круг, где каждый участник, если сам перегружен проектами, может порекомендовать заказчику другую мастерскую и не краснеть за свою рекомендацию.

Что же касается старого Союза архитекторов, то, мне кажется, его структуру менять не нужно, пусть сохранится профессиональная клубная организация.

Как нынче архитектурные мастерские получают заказы?

- Если новая никому не известная архитектурная мастерская справилась с первым заказом достаточно успешно, то заказчики расскажут об этом друзьям, и

информация пойдет дальше по цепи. Сегодня все студенты работают, еще учась в институте, поэтому к моменту его окончания они довольно хорошо ориентируются в профессиональном мире. За работок студента-старшекурсника - примерно \$ 200 - 1500, но при этом он четко понимает, что высокие оклады не допускают никаких творческих амбиций - делай что велят. Каждый выбирает собственный путь.

Как вы сегодня оцениваете архитектурный рынок?

- Лет пять назад заказов на архитектурные проекты было гораздо больше, чем профессионалов, способных их качественно выполнить. Сегодня рынок насыщается исполнителями, да и места в Москве остается все меньше. Поэтому через какое-то время мы придем к конкурентной системе проектов.

Кто и как готовит теперь архитектурные кадры?

- В Москве помимо МАРХИ (Московского архитектурного института) архитекторов готовит Землеустроительный институт геодезии и картографии. Порой оттуда выходят очень интересные творческие ребята. У них нет такого понта, как у выпускников МАРХИ, часто они более практичные.

Происходит и неизбежная смена поколений преподавателей - старые опытные уходят, а ассистенты, которые ничего сами не строили, заменить их не в состоянии. Нужна новая школа «обучателей».

Сегодня очень редко, когда выпускника куда-нибудь распределяют. В основном они сами находят места работы. Происходит это по принципу линейного маркетинга - по цепи в студенческой среде.

МАРХИ готовит в год примерно полторы сотни специалистов, и все, кто хочет найти работу в архитектурной сфере, ее находят.

Какие из последних архитектурных воплощений в Москве вы считаете наиболее удачными?

- Мне кажется, много удачных решений в районе Остоженки, выполненных одноименной архитектурной мастерской и целым рядом других. Там работает немало сильных московских архитекторов: Скуратов, Григорян и другие. Сейчас хороший дом чаще увидишь в тиши московского переулка, нежели на магистральной.

Наши предки смотрели на Москву с высоты Воробьевых гор и видели колокольни и купола сорока сороков московских храмов. Потом дома подросли, многие храмы снесли, и с Ленинских гор вертикальными доминантами торчали шпили высотных зданий. Позже появились серые коробки Нового Арбата или «Интуриста». А как вы видите изменение архитектурного силуэта столицы в ближайшие 20 - 25 лет, то есть ваш прогноз развития столицы?

- Первое, что бросится в глаза, - подрастание фоновой застройки. Поэтому необходимо выработать совсем иную технологию производства фокусов, то есть ориентиров: современные фокусы будут так же поглощены, как некогда церкви. Это произойдет в течение ближайших десяти лет. Мне самому интересно, как это произойдет, потому что потребуете строить здания выше, чем современные, типа, например, «Паласа» и других. Где-то это окажется правомерно, а где-то ничего не даст.

То есть система архитектурных доминант в городе пока не продумана?

- Система доминант сотни раз просматривалась на градостроительных советах, предложено к строительству порядка трехсот высоток, причем как на периферии, так и в относительном центре, хотя в самой сердцевине города ничего высотного не предлагается. Но фоновая застройка так растет, что даже у знаменитых семи высотных зданий ежегодно сокращается радиус визуального воздействия. Если какое-то время назад они просматривались, объединяя ряд направлений, то сегодня они не видны.

Как все-таки, по-вашему, назовут ту московскую архитектурную эстетiku, которая создается и начинает доминировать в московском пространстве?

- Мне кажется, в историю войдет та переулочная архитектура, которую наши правители не видят, потому что там не ездят. Не буду называть важное лицо в нашем городе, которое, увидев на выставке в Берлине стенд с лучшими образцами московской переулочной архитектуры, воскликнуло: «А это где построено?»

Беседу вел
Владимир ПОТЕРСОВ
Фото автора